

ТЮЗ

АСПЕКТ

Кущица. — 1992. — 15 февр. — С. 7
Во дни конфликтования всего со всем
 так хочется укрыться в театре, спрятаться
 от уличных драк и облиться над вымыслом
 слезами. Ничего не получается. Впрочем,
 по Шекспиру: «Мир — театр...» — все
 сходится. Все, как и везде.

Раббы любви

ТЮЗ, Таганка — типология конфликта

Сначала — две цитаты из статьи, под которой стоит моя собственная подпись. Материал был опубликован в нашей газете пять лет назад.

«Сможет ли Генриэтта Яновская... уже пользуясь реальными правами художественного руководителя, удержать в театре талантливых и порядочных людей, не так давно на нее «восставших»?»

«...Сохранить в театре талантливую уже не «коппозицию», а, скажем, «паритетную группу» — важно в первую очередь для нее самой. Получив для себя и «своих» актеров право целеустремленно строить молодежный театр, важно сохранить и поддержать тех, кому дорожке и ближе задачи детского театра... Пусть не будет полного единогласия, но пусть разногласие будет уважительным и достойным».

Когда мы с критиком Александром Соколянским писали эти строки, в Мтюз уже родился замечательный спектакль «Собачье сердце» — первое детище только что назначенной главным режиссером театра Генриэтты Яновской и заново поверившей в свои силы тюзовской труппы. Это был, без сомнения, плод любви и веры.

Откуда же тревожные предчувствия? Оттого что страсти, разгоревшиеся вокруг фигуры нового лидера и стихнувшие к моменту премьеры, оставляли за собой опасные зоны. Волей профессии мы вынуждены были в них окунуться. Теперь придется напомнить.

На «отсталый участок театрального фронта» был городскими властями «брошен» одаренный режиссер. Да простится мне железобетонная терминология, но именно в подобных, лучших традициях и была проведена эта акция. Режиссера привели, но главным сделать побоялись. Все чего-то выгадывали да высчитывали. Создалась двусмысленная ситуация. Столкнулись действия лидера, не имеющего, однако, официальных прав на лидерство, и отчаянные надежды усталой и заброшенной труппы на свое новое рождение. Вокруг Г. Яновской началась борьба, коллектив разделился на сторонников и противников, а «наверху» все не решались узаконить режиссера во властных правах. Решение стали подталкивать изнутри Тюза, тут-то и пошли в ход всякие средства и проявились всякие человеческие качества. Вдобавок выбор булгаковского «Собачьего сердца» открыто намекал на возможную смену ориентации театра. Затем идея была четко и ясно декларирована: не детский, но молодежный. Противники этой идеи в самом Мтюзе не заставили себя ждать, что тоже естественно.

Но победило... «Собачье сердце». Талант, вдохновение и вера — эти, весьма хрупкие материи смогли погасить пожар. На репетициях создавалась атмосфера подлинного искусства и давно не изведанного счастья, а премьера принесла триумф и славу. Дрязги увяли, вместе с ними смолкли и колючки, уже тогда вызвавшие беду.

Прожило пять лет. Г. Яновская давно уже главный режиссер, а теперь — и художественный руководитель, то есть безраздельная хозяйка театра. А труппу потряс новый, гораздо более сокрушительный конфликт. Коллектив подавляющим большинством голосов выразил недоверие руководителю.

Мтюз, начав, было, восхождение и славе ныне — почти в руинах. Молодежным он так и не успел стать детским, похоже, перестал быть. За пять лет — три премьеры, а из старого, адресованного детям репертуара нещадным образом эксплуатируются лишь древние «Два клена» и «Анчутна». Многомислечные простои расколодили и озлобили актеров. В их душах поселились обида, холод и страх. Да и в самом доме, что в переулке Садовских, — уютно и потерянно. Сбита с фронтона аббревиатура Тюз, сняты со стен фотографии актеров, наса пуста — наскеры ушли с работы. Уходят и многие другие, администраторы, артисты, среди которых — ведущие...

...А на собраниях коллектива, этих злобещих и, увы, чисто отечественных формах группового волеизъявления, вновь

прокручивалась лента пятилетней давности. Звучала поистине апокалипсическая для всех нас тема покаяния. Каялись те, кто пять лет назад боготворил и молился. Разочаровались, разуверились, отчаялись...

Замечаете, — все какие-то недоловые, слишком интимные и слишком человеческие мотивы? Что поделаешь, они-то и есть самые взрывоопасные зоны нашего театра.

Вопреки формуле Льва Толстого: «...Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», наши театральные «семьи» сегодня несчастливы одинаково. А потому обратимся к другому конфликту, потрясшему только что легендарную Таганку.

...И снова — собрание коллектива, снова это наше, душе-раздирающее толковище. Часть труппы разуверилась в своем Отце и учителе Юрии Петровиче Любимове. Звучит отчаянный и убийственный укор: «Вы нас не любите больше!» Для сравнения: самый частый рефрен тюзовских актерских обвинений в адрес своего режиссера — «Вы не любите нас!». Различия ситуаций в двух театрах хоть и существенны в частности, но на удивление схожи в главном. Любовь — нелюбовь обладают в наших театральных организмах «дополнительными полномочиями». Если в Мтюзе взаимная любовь режиссера со своими актерами в чем-то не задалась с самого начала, то на Таганке она была, и еще какая! Ею-то, а вернее, надеждой на ее возрождение и жила все эти годы труппа. Любила Отца, когда он покинул свою семью, любила, когда стал периодически возвращаться. Только все-таки на свете отпущен свой срок. В том числе и театральному, студийному единству. Одни говорят: театральная «семья» жива и продотворна лишь семь лет, другие отпускают ей лет пятнадцать. А наша замечательная Таганка куда старше...

Конфликт. Другой конфликт... Так что же, начнем, подчиняясь общей психологии драки, искать виноватых? Труд, ей-ей — неблагоприятный и совершенно напрасный. И не стоит, наверное, повторять очевидных истин. Ну, например, что ставить хорошие спектакли — это одна профессия, а руководить театром — другая. Или, что при всей правоте личных актерских претензий горько и постыдно выглядят коллективные линчевания. Что режиссерский талант уникален. Что любой художник имеет право на паузу, и не след трясти его за воротник, требуя: где продукция? Что, с другой стороны, с художника, руководящего театром, у нас — спрос за все: и за продукцию, и за судьбы вверенных ему актеров, и за зрителя. Теперь еще — и за деньги, должности, здание, кусок земли, на котором стоит театральный дом. Блажен, кто, обладая даром ставить спектакли и строить театральный организм, одарен вдобавок и умением считать, просчитывать и пробивать. Много ли таких? У нас же сегодня всякий, кто хочет сохранить театр и себя в нем, обречен тянуть десять лямок.

Стремись, несомненно, убежать Театр на Таганке от грядущих рыночных штормов. Ю. Любимов предложил мэру Москвы свой проект контракта. В нем оговорены и права его единоначалия, и приоритетное любимо-вское право на приватизацию, и международный арбитраж на случай споров и конфликтов. Где-то в Цюрихе... Какой там Цюрих! Мы в Москве, где все театры в скором времени перейдут на систему контрактов, но ни один, похоже, к этой системе не готов.

И вот Ю. Любимов и Г. Яновская ломают себе головы над

проблемой выживания театров в условиях контракта, а труппы тем временем подчиняются безошибочному инстинкту. Он им подсказывает: «Нас не любят больше, значит, и доверия больше нет». И возникает бунт. Все правильно, ведь от любви до ненависти один шаг.

Наш стационарный театр исконно строился по законам

семьи, где актеры полностью зависели от папы (мамы) — режиссера. Помножим это обстоятельство на природные особенности любого театра на земном шаре, в основе которых — взаимная любовь актеров и их лидера, общая вера, и мы получим отечественного театрального монстра с очень человеческим, очень страдающим лицом. При постоянных труппах и их государственном подчинении у актерской братии намертво сформирован этот «семейный» комплекс. Это у «них», «там» — контракты, временные связи, сошлись — разошлись. У нас же домострой, такова наша природа. А «природа» — выше, чем искусство, как говаривал король Лир. И бунтуют рабы устоявшихся человеческих связей. Тех самых, без которых не было бы у нас ни Таганки, ни «Современника», ни БДТ, ни эфросовской Малой Бронной...

Так мы жили, так и продол-жаем жить, а привычные связи тем временем трещат по швам на всей территории «шестой части суши». Где же убе-речься бедному театру!

Ни к чему еще раз уверять себя, что перемены неизбежны, а иная жизнь — неотвратимая реальность. Все и так ясно. И не надо пророчеств. Надо только подготовиться к тому, что колокол уже звонит по многим, еще оставшимся нашим театральным семьям. Трезвому размышлению вопреки, отчаянно хочется их сб-речь. Вот только как?

Наталья КАМИНСКАЯ.

Р. С. На момент подписания газеты в ТЕАТРЕ НА ТАГАНКЕ достигнут консенсус. Последнее собрание коллектива при участии председателя Комитета по культуре Москвы И. Бугаева решило не поддаваться сиюминутным страстям, а избрать путь доверия Ю. Любимову и согласия между противоборствующими сторонами.

МТЮЗ: здесь пока — без открытых столкновений и без существенных перемен.